

Григорий Кружков

ТАМ, НА ЗАПАДЕ, ЗА МОРЕМ...

Из заметок переводчика

*Кисть от писанья сводит,
Клюв у писала жаден,
Как жучки на тропинке,
Буквы блестят в тетради.*

*Мудрости ток струится
Из-под руки усталой,
Падуб вечнозеленый
Дал на чернила ягод.*

*Взгляд по страницам рыщет,
В мысленных дебрях бродит,
Ищет уму добычу:
Кисть от писанья сводит.*

Когда я переводил цикл Шеймаса Хини о Колум Килле (Святом Колумбе), я уже достаточно знал об этом знаменитом святом, чье ирландское имя означает «Голубь Церкви». Более того, я уже перевел для ирландской антологии то же самое стихотворение *Is scith to chrob on scribainn*, что и Шеймас. Итого я перевел его дважды: сначала с древнеирландского оригинала по двуязычному изданию Ричарда Мерфи «Ранняя ирландская лирика», а потом еще раз — с английского перевода Хини. Вот как звучат первые строфы этих двух вариантов:

1.

*Рука писать устала
писалом острым, новым;*

*что клюв его впивает,
то извергает словом.
(Анон. XI в.)*

2.

*Кисть от писанья сводит,
Клюв у писала жаден,
Как жучки на тропинке,
Буквы блестят в тетради.
(Ш. Хини)*

Мы видим, что сравнение букв с жучками, на которых нацелился клюв монашеского «писала», придумано Хини, в оригинале клюв только пьет чернила и извергает их наружу буквами и словами.

Замечательно третье стихотворение цикла Хини — о покидающем родину беглеце, в последний раз оглядывающемся на ирландский берег.

*Он обернется с лодки,
Взглядом холмы окинет.
Этот берег ирландский
Он уже не увидит.*

Отчего же Колум Килле покинул родину? Считается, что он оказался невольной причиной кровопролитной битвы при Кул-Дремне, в которой погибло много славных воинов. Навсегда покинув Ирландию, он основывает знаменитый монастырь на острове Айона (Iona), с братьями-монахами, отправляется в Шотландию, где обращает в христианство пиктов и скóтов, участвует во многих миссионерских путешествиях на континент.

Слава о монастыре Святого Колумбы разошлась широко, на небольшой островок (площадью всего восемь квадратных километров) издали приплывали паломники. Здесь была создана знаменитая «Книга из Келлса», шедевр ирландского средневекового искусства. Но в IX веке монастырь был разрушен викингами. Однако и после этого остров почитался как святой, и здесь погроба-

ли многих древних королей Шотландии и Ирландии, в том числе «шекспировских» Дункана и Макбета.

Несколько лет назад я познакомился с шотландским поэтом Стюартом Сандерсоном. Он был совсем молод, но по-настоящему талантлив и притом свободно владел классическими формами стиха. Я перевел несколько его стихотворений, в том числе этот сонет:

АЙОНА

*Быть может, здесь, под мерный плеск волны,
И я б во что-нибудь поверить мог, —
Где скалы, как застывшие псалмы,
Где на уступах влажных — бурый мох;
Где ветер в грудь толкает, как стихи,
Где неба неоглядные края
Внушают мысль о вечности стихий.
Безбрежность — море. Остров — это я.*

*И может быть, тогда из пустоты
И одиночества создать я мог
Свою доктрину — версию мечты —
Пусть хрупкой, словно утлый тот челнок,
Что влек святых скитальцев на восток...*

Хотя бы горстку слов. Хотя бы слог.

Те лирические стихи, что приписываются Колум Килле, на самом деле написаны спустя несколько столетий, в XI и XII веках. Например, такое:

ДУМЫ ИЗГНАННИКА

*Боже, как бы это дивно,
славно было —
волнам вверясь, возвратиться
в Эрин милый,*

в Элзрг, за горою Фойбне,
в ту долину —
слушать песню над Лох-Фойлом
лебедину;

в Порт-на-Ферг, где над заливом
утром ранним
войско чаек встретит лодку
ликованьем.

Много снес я на чужбине
скорбной муки;
много очи источили
слез в разлуке.

Трудный ты, о Тайновидец,
дал удел мне;
век бы не бывать ей, битве
при Кул-Дремне!

Там, на западе, за морем —
край родимый,
где блаженная обитель
сына Диммы,

где отрадой веет ветер
над дубравой,
где, вспорхнув на ветку, свищет
дрозд вертлявый,

где над делями Росс-Гренха
рев олений,
где кукушка окликает
дол весенний.

Три горчайших мне урона,
три потери:
отчина моя, Тир-Луйгдех,
Дарроу, Дерри.

Шеймас Хини прекрасно знал, что значит быть беглецом. Он родился и вырос в североирландском графстве Дерри. Война за независимость Ирландии закончилась в 1923 году, но здесь на севере, в Ольстере, оставшемся в составе Соединенного Королевства, она продолжалась — в форме взаимных террористических актов — почти до конца века, то затихая, то разгораясь. Шеймас принадлежал к католическому меньшинству, но был против насилия и террора, в том числе, против методов Ирландской республиканской армии. Он попал в список «враждебных лиц» одной из групп боевиков — за недостаточный патриотизм; добрые люди настоятельно посоветовали ему срочно уехать из Северной Ирландии и увезти семью.

Он поселился в уединенном домике в графстве Уиклоу, к югу от Дублина, где несколько лет жил с женой и двумя детьми, стараясь особенно не светиться. Там он написал книгу «Север» (*North*), разошедшуюся неправдоподобным для стихов тиражом. В заглавном стихотворении этого сборника мертвые викинги, polegшие у стен ирландских городов, в своей «запоздалой печали» говорят поэту, что их ярость была растрочена напрасно:

*Молот грозного Тора —
о стыд, о бесчестье! —
откачнулся к торговле,
блудодейству и мести,*

*к лицемерью в совете,
заросшему жиром,
к передышкам резни,
величаемой миром.*

*Так заройся, певец,
в свою норку, свернись там
мозговитым клубком,
горностаем пушистым.*

*Сочиняй в темноте,
где живут только тени.
От полярных сияний
не жди озарений.*

*Зренье не оскверни
светом ярким и желтым,
доверяйся тому,
что на ощупь нашел ты.*

Там, в Уиклоу, в своем невольном уединении, Хини впервые серьезно занялся переводческим трудом. Он выбрал средневековую ирландскую повесть о безумном короле Суини; выбор был, конечно, не случаен. По его собственным словам, «тут была большая доля отождествления себя с героем, поэтического эгоцентризма, ибо повесть рассказывает о короле, который бежал с поля битвы и скитался по Ирландии. Этот король правил на Севере, в местах очень близких к тем, откуда я родом. Напрашивалась аналогия: вот я здесь, в Уиклоу, бежавший с Севера от крови и насилия»¹.

Я спросил у Шеймаса: «А правда же, бывают ситуации, когда поэт предпочитает говорить не от себя, а как бы устами другого поэта, чтобы лучше объяснить то, что происходит лично с ним? Объяснить не напрямую, а посредством аналогии или параллели. Короче говоря, когда хочется зашифровать свои мысли».

«Именно так, зашифровать, — согласился Хини. — Хотя Суини и Хини хорошо рифмуются, верно? Но иной раз хочется что-то сделать просто из естественного сочувствия. Не в этом ли главная прелесть перевода, чтобы бескорыстно вдохновиться и сказать: “Поглядите, какое чудо! Такое непохожее и такое прекрасное!”»

Таким непохожим и неотразимо прекрасным для меня с первого знакомства стала древнеирландская поэзия. Она возникла в далекие дохристианские времена. Поэты-филиды почитались в Ирландии наравне со жрецами-друидами. С приходом христианства в V веке наступила письменная эра; но христианская традиция с языческой не враждовали. В маленьких монастырях и скрипториях ученые монахи не только копировали богослужебные книги, но и записывали ирландские мифы и предания, а также жития святых и всякие необыкновенные истории.

Так называемая «монастырская поэзия» возникла там же — как бы случайно и между делом. Это были стихи, которые записывали где-нибудь на полях или на последних пустых страницах кодекса, — и не придавали им большого значения. Но многие из них —

¹ Шеймас Хини. Боярышниковый фонарь.

настоящие жемчужины средневековой поэзии. Это не только свежие и непосредственные зарисовки природы — удивительные для той эпохи, когда лирика природы в европейской литературе еще не существовала. Их тематический и эмоциональный спектр необычайно широк. Мы слышим, как монах жалуется на свои грешные мысли, мешающие ему сосредоточиться во время молитвы:

*Мысли неподобные,
Горе мне от вас;
Где вас ветры злобные
Носят всякий час!*

Мы видим, как, вынеся свою тетрадь и чернильницу из кельи в лесок, он наслаждается весенним воздухом и пеньем птиц:

МОНАХ В ЛЕСОЧКЕ

*Рад ограде я лесной;
За листвой свищет дрозд;
Над тетрадкою моей
Шум ветвей и гомон гнезд.*

*И кукушка в клубуке
Вдалеке будит лес.
Боже, что за благодать —
Здесь писать в тени деревьев!*

Кстати сказать, именно в ирландской поэзии впервые в Европе стала широко употребляться рифма, а также была разработана весьма изощренная система стихосложения. Рифмы были не только концевые, но и внутренние, зачастую конец одной строки рифмовался с серединой следующей. Как в вышеприведенном стихотворении, в котором первая строка рифмуется не с третьей, а с серединой второй строки: *лесной — листвой*, и так же в третьей и четвертой строках рифма: *моей — ветвей*. То же самое во втором куплете: *клубуке — вдалеке, благодать — писать*².

² Это стихотворение приводится как пример ирландского стихосложения в книге М. Л. Гаспарова «Очерк истории европейского стиха» (1989); но с тех пор я улучшил рифму во втором куплете.

Я переводил эти стихи, в основном, по упомянутой мной двуязычной антологии Ричарда Мерфи, но сверял со всеми доступными мне английскими переводами; помогали и беседы с Сергеем Шкунаевым, выдающимся кельтологом, переводчиком ирландских саг и просто редким умницей и всезнайкой.

Удивительно стихотворение, которое в оригинале называется «Криног», что значит по-ирландски: «старая-молодая». В ней автор объясняется в любви подруге юности, с которой много лет делил ложе и кров, но судьба разлучила их — и вновь соединила спустя целую жизнь:

*С тех пор спала ты с четырьмя,
Но дивны Божии дела:
Ты возвратилась ко мне
Такой же чистой, как была.*

На самом деле, адресатом этих строк является не женщина, а книга! При первой публикации стихотворения, найденного в старинной рукописи, о том не сразу догадались. Предполагали, что речь идет об одной из так называемых «тайных дев» (*virgines subintroductae*), сопровождавших странствующих монахов, — ведь в ранней ирландской церкви не было правила celibата. Лишь спустя двадцать лет было доказано, со ссылками на параллели в средневековой литературе, что речь тут идет вовсе не о женщине, а о книге — вероятно, Евангелии или Псалтыре.

Особый интерес представляют стихи, в которых христианская традиция сталкивается с языческой. Таков монолог Старухи из Берри, вспоминающей молодые годы и жалующейся на постигшую ее старость. По легенде, под конец жизни она раскаялась и стала монахиней. В ее стихах явно больше языческого, чем христианского. Она сравнивает доблестных королей и воинов, которых когда-то любила, и нынешних молодых — явно не в пользу последних:

*Вы, нынешние, — сребролюбы,
живете вы для наживы;
зато вы сердцами скупы
и языками болтливы.*

*А те, кого мы любили,
любовью нас оделяли,
они дарами дарили,
деяньями удивляли.*

Описывая свою жалкую старость, она достигает настоящего пафоса, величия в горе. Цикл Безумной Джейн у Йейтса, безусловно, берет начало отсюда. Ключевая строфа, которая, на мой взгляд, прямо соотносит Старуху из Берри с евангельской Марией Магдалиной, возникает как бы ненароком и без связи с предыдущими:

*Когда бы знал сын Марии,
где ложе ему готовлю! —
немало гостей входило
под эту щедрую кровлю.*

Ранняя ирландская лирика уникальна по своему тонкому чувству природы. Для друида, поэта-жреца архаической эпохи, характерно почитание деревьев, древобожие. Недаром само слово «друид» происходит от древнеирландского *doire*, что значит «дубовая роща». Монахи и святые отшельники зачастую выходили из среды друидов. Мы вспоминаем это, читая песню Морбана-отшельника, славящего свою лесную жизнь:

*Тис нетленный —
мой моленный
дом лесной;
дуб ветвистый,
многолистый —
сторож мой.*

*Яблок добрых,
алых, облых —
в куще рай;
мних безгрешен,
рву с орешин
урожай.*

Но самое известное из всей «монастырской лирики», наверное, — стихотворение о коте Пáнгуре.

В нем монах обращается к своему любимому коту по имени Пангур, который скрашивает ему часы усердных трудов. По-ирландски стихотворение называется «Pangur Bán». *Bán* значит «белый», а *Pangur*, вероятно, «сукновал» по-ирландски. Как валяли сукно до изобретения сукновальных машин, мы с вами не знаем, но, по-видимому, манера этого котика валяться на полу напоминала его хозяину движения работающего сукновала. Это лучшее предположение, которое я могу сделать.

Стихотворение переведено более чем на двадцать языков; в 2017 году в Дублине была издана книжка, где все эти переводы собраны вместе. Вот перевод на русский, он ритмически довольно близок к оригиналу, который представляет собой семисложник на основе хорей.

*Messe ocus Pangur Bán,
cechtar nathar fria saindán...*

МОНАХ И ЕГО КОТ

*С белым Пангуром моим
вместе в келье мы сидим;
не докучно нам вдвоем:
всякий в ремесле своем.*

*Я прилежен к чтению,
книжному учению;
Пангур иначе учен,
он мышами увлечен.*

*Слаще в мире нет утех:
без печали, без помех
упражняться не спеша
в том, к чему лежит душа.*

*Всяк из нас в одном горазд:
зорок он — и я глазаст;
мудрено и мышь споймать,
мудрено и мысль понять.*

*Видит он, сощуря глаз,
под стеной мышинный лаз;
взгляд мой видит в глубь строки:
бездны знаний глубоки.*

*Весел он, когда в прыжке
мышь настигнет в уголке;
весел я, как в сеть свою
суть премудру уловлю.*

*Можно днями напролет
жить без распрей и забот,
коли есть полезное
ремесло любезное.*

*Кот привык — и я привык
враждовать с врагами книг;
всяк из нас своим путем:
он — охотой, я — письмом.*

В последнем куплете у переводчика отсебятина — надеюсь, что уместная. В ирландском тексте сказано только: «Он мастер своего привычного дела, а я своего: сводить трудность к ясности». Но поскольку все построено на параллелях — «мудрено и мышь споймать, мудрено и мысль понять», то я подумал, что неплохо бы закончить самой напрашивающейся тут параллелью. Ведь монах, извлекая мудрость из книг, воюет с невежеством, и Пангур тоже занимается тем же, но по-своему — он ловит мышей, грызущих рукописи: «Кот привык — и я привык / враждовать с врагами книг».

Стихотворение «Pangur Bán» было обнаружено в библиотеке старинного монастыря в Восточных Альпах, на юге Австрии. Оно вписано в рабочую тетрадь безымянного ирландского монаха и датируется началом IX века. Известно, что ирландские миссионеры сыграли

важную роль в распространении христианства в Европе. Они перебирались через Альпы, плыли вдоль берегов Балтики, добирались даже до славянских земель. Сложись чуть-чуть по-другому — и они могли принести крещение в Новгород; тогда русская церковь оказалась бы исторически связанной не с Византией, а с Ирландией.

Впрочем, ничего нельзя отрицать. В житии Святого Колумбы, написанном в XI веке монахом и поэтом Мак-Ойгом из Лиснора, есть любопытное стихотворение, которое я перевел специально, чтобы прочесть на фестивале «Коломенские яблоки».

*Колумба в веке жил шестом,
Гонял он голубей шестом,
Но Бог позвал его в дорогу,
Чтоб в отдаленные места
Нести учение Христа,
И инок покорился Богу.*

*Шотландию он навестил,
Драчливых пиктов просветил
И, доброе зерно посеяв,
Сказал спутникам «адье»
И отбыл в кожаной ладье
В далекий край гипербореев.*

*Так в долгих странствиях своих
Приплыл боголюбивый мних
К большой реке, рекомой Ока,*

*Глядит — на берегу народ
Сидит и яблоки жует,
И варит пастилу из сока.*

*Там он устроил свой привал,
Обитель Божью основал,
Но искажил народец темный,
Между собою говоря,
Название монастыря,
Вот так Колумба стал Коломной.*

Но коломенский эпизод не прошел даром ни для города, над которым доселе витает какой-то особый дух святости, ни для ирландской поэзии. По-видимому, с этого момента образ яблока проник в ирландское поэтическое сознание и стал ведущим мотивом лирики, начиная со строк Марбана-отшельника, описывающего свою жизнь в лесу: «Яблоко добрых, алых, облых в кущах — рай...» и вплоть до Уильяма Йейтса с его знаменитым образом в стихотворении «Песня скитальца Энгуса»:

*The silver apples of the Moon,
The golden apples of the Sun.*

Вот как всё переплетено в этом лучшем из миров.

